

ХУРТУМЪ И ЁРШИҚЪ.

Повѣсть.

I.

На окраинѣ Карса, гдѣ, вырвавшись изъ каменнаго ущелья, привольно струится въ туманныхъ берегахъ мутный Карсъ-Чай, стоялъ небольшой домикъ.

Длинной полосой тянулся за домомъ молодой и чахлый садъ, заканчивавшійся чернымъ дворомъ съ конюшней, сараемъ и хлѣвомъ.

Высокій заборъ, сложенный, какъ и всѣ строенія, изъ сѣраго плитняка, каменнымъ кольцомъ окружалъ владѣнія ротмистра Оскольскаго. Словно весельчакъ, котораго ничто не можетъ привести въ дурное расположеніе духа, радостно глядѣлъ свѣтлый домикъ на хмурую картину природы.

Съ одной стороны, разноцвѣтными уступами и террасами крышь ползли городскіе домишки на бесплодную сѣрую скалу, увѣнчанную неприступной цитаделью, съ смертоносными жерлами пушекъ, грозящими изъ амбразуръ, съ гордо рѣющимъ надъ центральной башней русскимъ флагомъ.

Съ другой—тянулись выжженные солнцемъ волнистыя пространства горнаго плато, изжелта-сѣрые, монотонныя, съ едва угадываемыми въ синевѣ горизонта очертаніями высотъ.

перехода на турецкую сторону давали просторъ похождениямъ курдовъ.

Прежде чѣмъ поставить «Хуртума» въ конюшню, пришлось очистить стойло, сорвать полочку съ лекарствами, а подстилку «Ершика» перенести въ промежутокъ между дверями и ложемъ Ражанцова.

Рыжебородый, голубоглазый и приземистый Ражанцовъ, подъ солдатскимъ мундиромъ котораго сразу можно было угадать мушкетера-приобрѣтателя, хозяйственного и обстоятельнаго, былъ радъ новой покупкѣ.

— Ишь ты, говорилъ онъ несчетный разъ, входя въ стойло «Хуртума», застланное свѣжей золотистой соломой, — ишь ты! животинка какая — точно печь! и не подыскавъ болѣе ласковыхъ и опредѣляющихъ достоинства коня словъ, онъ нѣжно гладилъ и трепалъ его по бокамъ, крупу и шею.

Нѣсколько разъ на дню Ражанцовъ выводилъ «Хуртума» на дворъ, ставилъ къ коновязи и принимался скрести и чистить съ рвеніемъ, доходящимъ до жестокости. Засученныя по-локоть мускулистые и волосатые руки такъ и мелькали въ воздухѣ, а щетка то скользя по лоснящейся шерсти коня, то рѣзко шуршала о скребницу. Когда потъ уже градомъ катилъ съ Ражанцова, а шерсть «Хуртума» сливалась въ красно-золотистую, точно атласную, безворсную массу, оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ коня, дружески похлопавъ и удовлетворенно улыбнувшись въ бороду своей работѣ, онъ велъ его въ конюшню.

Другъ и сообщникъ Ражанцова, десятилѣтній Юрій, раздѣлялъ восторгъ своего пріятеля. Ускользнувъ отъ бдительности домашнихъ, съ карманами, набитыми хлѣбомъ, сахаромъ и даже самоотверженно недоѣденнымъ пирожнымъ, онъ во весь духъ мчался черезъ садъ въ конюшню.

— А, барчукъ! ласкаво встрѣчалъ его Ражанцовъ.

— Что, можно дать? дѣловито спрашивалъ Юрій, выгружая содержимое кармановъ на кровать Ражанцова.

— Ну, ты, посторонись! съ напускной строгостью, хлопнувъ «Хуртума» по крупу, восклицалъ Ражанцовъ.

«Хуртумъ» переступалъ въ сторону, прижимался къ стѣнѣ и поворачивалъ голову къ вошедшимъ, насколько позволялъ короткій поводъ недоуздка.

Его глаза, большой и выпуклый сверкалъ въ полумракѣ фосфорическимъ блескомъ, тонкія ноздри трепетали, втягивая воздухъ, а уши осторожно были наставлены впередъ.

Юрій клалъ на ладонь кусокъ сахару и подносилъ къ храпку коня. Но первое время «Хуртумъ» рѣшительно отказывался отъ угощеній.

— Попробуй ты, Ражанцовъ, говорилъ опечаленный Юрій, суя въ руки вѣстового лакомства.

— Гдѣ ему! безъ привычки, возражалъ Ражанцовъ, но тѣмъ не менѣе исполнялъ просьбу маленькаго пріятеля.

Но и отъ Ражанцова «Хуртумъ» не бралъ.

— Ничего, пообвыкнетъ, угѣшалъ вѣстовой Юрія.

И, дѣйствительно, «Хуртумъ» постепенно привыкъ и выучился сначала ѣсть ржаной хлѣбъ, слегка посыпанный солью, а потомъ сахаръ. Отъ другихъ лакомствъ онъ упорно отказывался. Напрасно Юрій таскалъ для него и свои любимыя пирожныя и печенье и галеты, — «Хуртумъ», если и бралъ ихъ въ ротъ, то сейчасъ же выбрасывалъ. Очевидно, они не удовлетворяли его вкуса.

За то сахаръ и ржаной хлѣбъ онъ такъ полюбилъ, что заслышавъ шаги Юрія, оборачивалъ морду, тихо ржалъ, нетерпѣливо переступалъ съ ноги на ногу и шевелилъ мягкими, какъ атласъ, губами, настойчиво требуя угощенія.

Дома только дивились быстрому расходованію сахара. Не успѣвали наполнить сахарницу, какъ она оказывалась пуста.

Худосочная, высокая, веснущатая, рыжая и злая бонна, выведенная изъ себя частыми исчезновеніями Юрія, открыла его продѣлки.

По пятамъ прокралась она въ конюшню и накрыла Юрія на мѣстѣ преступленія.

— *Auszeichnet!* (*прекрасно*), кричала она, also dachin verschwindet der Zucker! Also das ist der Dieb! Komm zum Vater, mag er Sie loben für solche Vittlichkeit (*такъ вотъ куда исчезаетъ сахаръ! Такъ вотъ кто ворюшка! Идемъ къ отцу, пусть онъ похвалитъ васъ за такую нравственность*).

Сахаръ былъ конфискованъ.

Волоча одной рукой ошеломленнаго Юрія за рукавъ его блузы и сжимая въ горсти доказательства его преступленія, фрейленъ уже собиралась переступить порогъ конюшни, какъ дорогу ей загородилъ Ражанцовъ.

Принявъ самый изысканно-любезный видъ, который, по его понятію, подобалъ въ разговорѣ со столь высокопоставленной особой, склонивъ голову набокъ и ослабившись, онъ заговорилъ:

— Помилосердуйте барышня, ежели мальчонка тово... такъ худого тутъ нѣтъ... животинка Божья... пра...

Фрейленъ, ничего непонявшая изъ его рѣчи, сочла долгомъ обидѣться:

— Какъ ви смѣйть, я говорить офицеръ! Freher Mensch! (*Нахаль!*) завизжала она, измѣривъ Ражанцова такимъ уничтожающимъ взглядомъ, что тотъ струхнулъ, отодвинулся, долго смотрѣлъ вслѣдъ нѣмкѣ, тянувшей Юрія за руку, точно на буксирѣ, и наконецъ, почесавъ бороду и скребнувъ затылокъ, задумчиво сказалъ:

— Ишь злющая... Точно ужъ шипить, прости Господи!

Но къ ужасу нѣмки, ротмистръ не наказалъ сына, даже не сдѣлалъ ему выговора, а только объяснилъ, что постоянно давать лошади сахаръ въ большомъ количествѣ вредно и рассказалъ Юрѣ много интереснаго, какъ при усиленной работѣ поддерживаютъ силы коня сахарной водой.

Это приключеніе имѣло три послѣдствія.

Юрѣ было разрѣшено послѣ уроковъ посѣщать конюшню и былъ установленъ отпускъ сахара. Кромѣ того, событіе это еще больше скрѣпило дружбу между вѣстовымъ и Юріемъ. Сердобольный Ражанцовъ отъ души сожалѣлъ «барчука», обязаннаго слушаться «злющей нѣмки» и всѣми силами оказывалъ свое покровительство, а Юрій удивлялся добродушно-лукавымъ продѣлкамъ своего друга и платилъ ему за защиту горячей привязанностью.

Несмотря на узаконенное отцовской властью посѣщеніе конюшни, фрейленъ старалась всѣми силами сократить удовольствіе Юрія. То она находила, что Юрій слишкомъ много времени проводить въ конюшнѣ и являлась за нимъ сама, то выдумывала прогулку въ городъ, чтобы не дать возможности мальчику посѣтить своихъ друзей.

Трилицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).